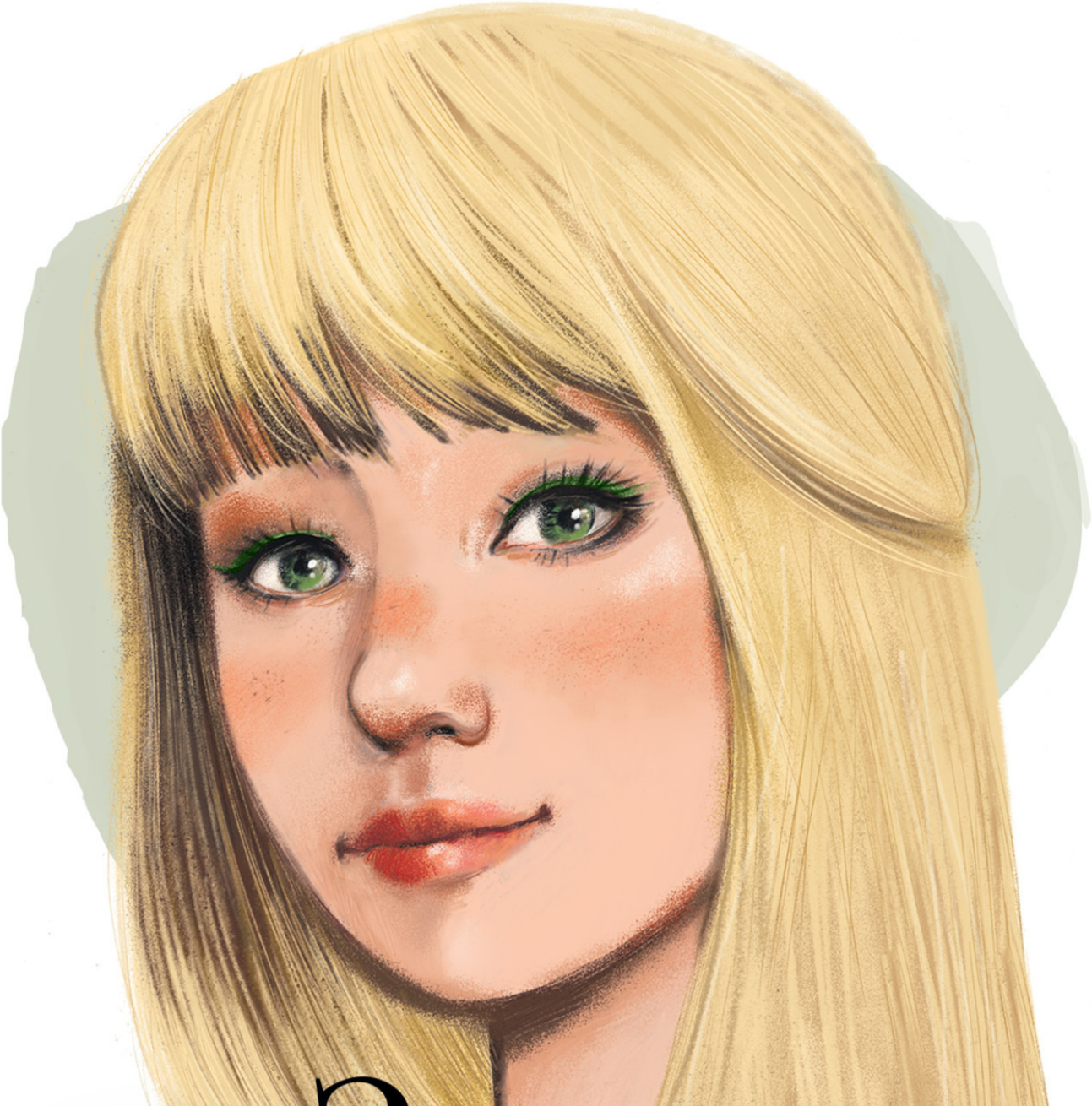
ВЕРА ИВАНОВА



Засекреченное счастье

МОЙ ПЕРВЫЙ ❤ РОМАН

Мой первый роман

Вера Иванова

Засекреченное счастье

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванова В.

Засекреченное счастье / В. Иванова — «Издательство АСТ», 2008 — (Мой первый роман)

ISBN 978-5-17-154342-6

Почему-то подростки всегда вынуждены свое счастье засекречивать от родителей. Одну из таких ситуаций описывает в своей повести Вера Иванова. Мальчик и девочка встречаются, влюбляются и понимают, что жить друг без друга не могут. Их родители тоже встречаются. И понимают, что больше всех на свете ненавидят избранников своих детей! Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154342-6

© Иванова В., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Глава 1 8
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Вера Иванова
Засекреченное счастье

© Иванова В.В., 2023
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается Ромео и Джульеттам наших дней

Глава 1

– Ненавижу дачу, ненавижу эти грядки! – гневно бормотала худенькая светловолосая девочка, развалившись на заднем сиденье нового джипа цвета «металлик».

Врывавшийся в приоткрытое окошко ветер теребил мягкие локоны, выбившиеся из-под надетой задом наперед кепки. Прищуренные глаза, побелевшие веснушки и крепко сжатые кулачки – все выдавало ее недовольство. Впрочем, она и не думала его скрывать.

– Что я там делать буду? Мне нужно рисовать! – слова ее били в спину сидящего впереди водителя, однако тот казался совершенно невозмутимым.

Он внимательно следил за дорогой, словно не замечая плохого настроения своей спутницы. Его спокойствие еще больше бесило девочку – она пребывала в том смутном, переменчивом возрасте, когда куколка начинает превращаться в бабочку: подростковые угловатость и резкость уже почти сменились нежной грацией, но гадкий утенок еще не привык к новому обличью и к тому, что вокруг, оказывается, нет никаких врагов и ни с кем не надо сражаться.

– Ты можешь рисовать и тут. Вокруг полно пейзажей! – Преодолев сложный участок, водитель наконец оторвался от дороги и ответил девочке.

– Пап! Ты что, издеваешься? Ну какие же это пейзажи! Это помойка! Кругом строительный мусор… – Насупленные брови отразились в зеркале заднего вида, и водитель вдруг отчетливо вспомнил, как и ему самому вот так же не хотелось в пятнадцать лет ехать в скучную, унылую деревню, где даже ночью снились прополотые грядки, а все веселье исчерпывалось бесконечными рассказами деда о далекой юности и хоровым пением окрестных старушек. А назойливые комары! А удобства во дворе! А тонны переколотых дров и вода из колонки! Если бы тогда ему кто-нибудь сказал, что он собственную дочь будет вот так же насильно выпихивать из душной московской квартиры «на природу», он бы рассмеялся тому в лицо…

Секундное воспоминание смягчило черты сурового лица, и только. Петр Васильевич Шестов, преуспевающий бизнесмен, не был склонен к сантиментам. Не любил дачу. И ничего, вырос. И эта вырастет, куда ж ей деваться. У нее тут такие условия, что ему тогда, в юности, и не снились! Система «умный дом», все удобства и коммуникации, гостиная с камином и плоским телевизором последней модели, кухня со встроенной техникой, тренажерный зал, зона спа с джакузи и сауной, wi-fi… В конце концов, для кого же все затевалось – коттедж, участок… Для нее же все и делалось! Тут же воздух, природа! Разве сравнишь это с загазованностью на Кутузовском? Вон какая бледненькая, в чем только душа держится… Особенно после пандемии.

Так он и сказал ей, и больше уже не слушал ее возражения, целиком сосредоточившись на дороге. Ему не нравился какой-то необычный стук. Прибавляя газ, он каждый раз прислушивался, досадуя на бесконечную трескотню дочери. Вот он, конфликт поколений в чистом виде – она так занята своими проблемами, что совершенно не замечает ничего вокруг и не понимает, что у него тоже могут быть проблемы! Вместо того чтобы помочь, хотя бы морально, хотя бы просто поинтересоваться, чем он так озабочен, его уже совсем взрослая дочь дуется.

Приблизительно те же мысли одолевали и девочку. Отцы и дети – это две разные цивилизации, просто абсолютно чуждые друг другу племена! Кому, кому она сейчас все это говорит, перед кем выворачивает душу? Он же ее совершенно не слушает! Ему же все по барабану, до лампочки!

Надувшись, девочка рывком головы скинула с кепки на глаза темные очки и замолчала. Мрачные мысли, обида, злость, недовольство – все смешалось, рождая черные, злые планы мести.

– Вы еще пожалеете, что привезли меня сюда! Ох, как пожалеете!

Глава 2

Дачная жизнь в пустом поселке, состоящем из громадных недостроенных особняков – скукотища, а дачная жизнь с бабушкой – скукотища вдвойне.

Юля (так зовут нашу героиню) уже представляла себе, как долго ей придется терпеть нотации и выслушивать нескончаемые наставления старушки. И грядки – бесконечные ряды длиннющих грядок! Бабушка не могла себе представить, что это такое – участок без огорода.

Не то чтобы девочка не любила бабушку, нет, в городе она была всегда рада, когда та навещала их: сумасшедший, нервный ритм московской жизни сразу как-то успокаивался, в нем появлялась уравновешенность и умиротворенность; девочка любила ласку и заботу, которых ей не хватало от вечно занятых родителей и которые она с избытком получала от бабушки. Но одно дело – визит на день-два, пирожки и новые варежки, и совсем другое – перспектива провести под надзором целое лето!

А она так рассчитывала провести каникулы с друзьями, в своей «тусе», как любила выражаться Эмма, ее лучшая подруга и хозяйка самой подходящей для встреч квартиры. Самой подходящей не только потому, что родители Эммы работали целыми днями, а иногда и неделями не бывали дома, и девочка жила практически одна. А еще и потому, что эта была одна из тех милых, обшарпанных, нормальных человеческих квартир, где никто никогда не боится что-нибудь испачкать, разбить или сломать.

Что может быть лучше – в сумерках, не включая света, развалиться на продавленном диване и, потягивая газировку, часами трепаться под заунывный говор русского рока! Вопреки расхожему мнению, кайф этот случался нечасто, приходилось посещать школу и учить бесконечные уроки. А у Юли ко всем этим заботам прибавлялись занятия рисованием в художественной школе, так что из их компании она бывала на таких встречах реже всех. Поэтому она так рассчитывала на лето – вот тогда можно будет по-настоящему оттянуться!

И еще.

Этим летом она очень надеялась осуществить одну свою тайную мечту. Она хотела нарисовать на стене – сама, своими руками! – настоящее большое граффити. Целый год она тренировалась на маленьких поверхностях – на воротах заброшенных гаражей, заборах, оставленных строителями, – и, как следует овладев техникой, хотела перейти к освоению больших пространств. Она даже уже выбрала подходящее место – в соседнем квартале, огромную стену дома под снос. Она была так аппетитна, что у Юли просто руки чесались расписать ее! А теперь парень, который учил ее весь год, сам займет эту стенку – не пропадать же такому добру!

И вот теперь все эти замечательные планы коту под хвост! Только из-за того, что отцу вдруг срочно понадобилось принимать дома иностранных партнеров, и дочку решили на это время выселить на дачу. Она, видите ли, давно не отдыхала и теперь может совместить приятное с полезным – подышать свежим воздухом и освободить от своего присутствия квартиру. Ну хоть бы кто-нибудь спросил ее мнения!

Джип подъехал к воротам, и отец несколько раз посигналил.

Металлические створки медленно раздвинулись, машина вкатила во двор, и Юля со злостью взглянула на место своего будущего заточения. С тех пор как особняк был достроен, она едва ли пару раз побывала тут: девочка сразу же всей душой невзлюбила это место. Ей не нравилась распланированная ухоженность участка, какие-то неживые, слишком уж чистенькие и аккуратные газоны, ровно подстриженные кусты. Ей не нравился дом – огромный трехэтажный кирпичный коттедж в псевдорусском стиле. Будь у нее выбор, она бы предпочла обычную избу или уж дворец, что-нибудь более живое и привлекательное, чем эти невообразимо скучные хоромы.

Но больше всего ей не нравилось бабушкино детище – огромный огород, под который выделили всю левую, самую солнечную сторону. Бабушка даже надорвалась, вскапывая эти бесконечные грядки.

– Мама, зачем ты это делаешь! – укорял ее отец. – Зачем такие мучения! Мы что, не купим тебе редиски? Я тебе целую машину этих редисок пригоню, если уж так хочется!

– Хочется своего, сыночек, – качала головой бабушка, обматывая ноющую поясницу пуховым платком. – Чтобы свеженькое, с грядочки.

– За это свеженькое приходится слишком дорого платить, – бурчал отец, – если принять во внимание стоимость лекарств, которые понадобятся для твоего последующего лечения. Кому оно все будет нужно, твое свеженькое, если ты на этих раскопках угробишь здоровье!

Бабушка только молча вздыхала и продолжала посевные работы до очередного приступа радикулита.

И вот теперь все эти сельхозработы должна взвалить на свои плечи Юля. Нет, конечно, впрямую никто ее не заставит, но ведь и так ясно, что она не сможет со спокойной совестью смотреть, как надрывается старушка!

Юля не торопилась вылезать из машины. Как будто это могло отсрочить неизбежное! Взгляд девочки скользил по грядкам, прикидывая объем будущих работ, и тут вдруг в поле зрения попала совершенно посторонняя фигура.

Какой-то парень, раздетый до пояса, поливал из шланга кустарник возле дома. Радужные брызги веером разлетались из-под пальцев, накрывая жесткие блестящие листики искристой жемчужной пылью. И то ли от этого фонтана, то ли оттого, что Юля в этот момент сняла очки, но только ей показалась, что угловатая мальчишеская фигурка светится. Сияло все: и выгоревшие, растрепанные вихры, и уже потемневшая от загара, покрытая мягкими белыми волосками спина, и глаза парня, когда, обернувшись, он встретился с девичьим взглядом, а ослепительнее всего – белозубая улыбка, которой он поприветствовал незнакомку.

Несколько секунд Юля, почему-то покраснев до ушей, оторопело разглядывала новый предмет дачного «интерьера», после чего быстро надела очки и обратилась к отцу:

– Пап! Кто это?

– А? Что? – Отец суетился у багажника, выгружая многочисленные дочкины сумки.

– Кто это, пап? Вон тот, со шлангом!

– А! Разве мама тебе не рассказала? Это Роман. Он теперь у нас работает.

– То есть… он наш слуга, что ли?

– Не слуга, а помощник! – Отец захлопнул багажник и вместе с подскочившим парнем понес вещи в дом.

Старательно пряча взгляд за очками, Юля пристально разглядывала парня.

Какой верзила… Худющий! И лопатки выпирают… Вон, загривок весь выгорел… А руки крепкие, качается, наверное!

Парень выглядел довольным и веселым, и это почему-то привело Юлю в страшное раздражение.

Как смеет кто-то в этом гадком месте быть таким довольным!

Как смеет кто-то с таким удовольствием работать, когда она даже и думать не желает об этом мерзком огороде!

Как смеет кто-то смотреть на нее так… и улыбаться, когда ей плохо… и видеть, как она краснеет!

Вылезая из машины, девочка демонстративно хлопнула дверью. Она чувствовала, что одним врагом в этом мире у нее стало больше. У самого входа в дом она обернулась, чтобы выяснить, куда смотрит ее новый враг. Почему-то она почувствовала разочарование – он смотрел не на нее, а на только что покинутый ею джип.

Глава 3

Роман проводил девушку насмешливым взглядом, а потом повернулся к джипу. Он сразу же догадался, что эта гордячка – хозяйская дочка. Кто же еще мог так вольно обращаться с хозяином и его шикарной машиной! Вон как дверью хлопнула – так и замки сломать можно. А с этой машиной нужно обращаться нежно, бережно – все механизмы у нее отлажены и подогнаны друг к другу так, что она отзывается на любое прикосновение. Для того чтобы закрыть дверь, достаточно просто слегка тронуть ее пальцем…

– Петр Василич, мне помыть машину? – Роман, упиваясь видом совершенных, идеальных автомобильных форм, не замечал, что хозяин с усмешкой наблюдает за ним.

– Да. А потом отгони ее в гараж.

– Отогнать? Мне? Самому? Вы разрешаете? – В глазах парня светилось такое счастье, что Юлин папа, отвернувшись, вздохнул.

– Ты знаешь, – вырвалось вдруг у него, – у меня всю дорогу что-то в коробке стучало. Не пойму, что это было?

– В коробке? – Парень нахмурился. Лицо его выражало такую искреннюю озабоченность, словно речь шла о близком существе. И если бы кто-нибудь понаблюдал за собеседниками во время последовавшего короткого разговора, непременно решил бы, что они обсуждают что-то серьезное, важное обоим.

Именно это ощущение и осталось у Юлиного отца: глядя, с каким рвением парень намыливает машине бока, он с сожалением подумал: «Как же просто найти общий язык с чужими детьми… И так трудно с собственной дочерью». А может, ему просто недостает сына? Жаль, что они с Натальей так и не решились на второго ребенка! А теперь уже поздно.

А Роме работа действительно доставляла удовольствие. Он вообще любил работать, особенно когда за это хорошо платили. В последние три года он стал настоящим асом в подработках – брался за любое дело, сулившее хотя бы небольшую прибыль. Его знали уже в нескольких конторах, где он с успехом выполнял разовые поручения, успевая по выходным разъезжать курьером. Заработанного «капитала» с избытком хватало на карманные расходы – благо их было немного: в кино и на тусовки Роман практически не ходил, было некогда. Поэтому иногда он мог себе позволить и более крупные покупки – навороченный смартфон или ноутбук, например.

Мать, которой он честно «отстегивал» половину заработка, считала сына слишком сухим и расчетливым. Она была против того, чтобы вечерами он пропадал неизвестно где. Она предпочла бы, чтобы Роман больше времени проводил дома за книгами или же с друзьями и не лишал себя детства.

– Нельзя себя так изводить! – пеняла она ему в рекламную паузу очередного сериала. – Кому это нужно – так издеваться над собой в юные годы! Еще успеешь, наломаешься. Садись лучше, почитай. «Шестеркой» бегать каждый сумеет, а читать вы совсем перестали.

Еще одним любимым маминым высказыванием было: «Всех денег не заработаешь». Этим она оправдывала собственную пассивность: после окончания Литературного института маме Ромы, когда-то писавшей неплохие дамские романы, так и не удалось пробиться, и она, забросив творчество, уютно прозябала то на стульчике в библиотеке, где работала, то в кресле перед телевизором.

Был у Ромы и другой оппонент – его друг Вася, умник, целыми днями просиживающий за компьютером. Он тоже критиковал приятеля, правда, немного с другой стороны.

– Мне кажется, ты мыслишь слишком узко, – втолковывал Вася своему трудолюбивому другу. – Я называю это «дефектом цели».

– Как это? – иногда Рома не сразу понимал, что имеет в виду его друг.

– У тебя слишком низменные цели. Одну копейку заработать, другую… Зачем тебе это надо?

– Это не копейки! – протестовал Ромка. – Это очень даже приличные деньги. За копейки я и сам работать не буду!

– Ну, хорошо. И на что ты потратишь эти приличные деньги?

– Ноутбук вот купил. Машину теперь хочу, хорошую.

– «Шестисотый», – уточнял Вася.

– А хоть бы и так! Где же здесь твой «дефект цели»?

– Неужели ты сам не видишь? Твоя цель – машина, какой бы она не была – стиральной, копировальной… Ради машины ты способен вкалывать с утра до ночи. Ради нее ты сам у себя крадешь время! И знаешь, чем это кончится?

– Чем же? – переспрашивал заинтригованный Ромка.

– Тем, что ты купишь эту машину, и все. Твоя мечта осуществится. И больше тебе мечтать будет не о чем. Или ты станешь копить свои копейки или центы на что-нибудь новое из этой же серии – еще более крутой смартфон, ноутбук, тур заграничный… А станешь постарше – понадобится квартира в ипотеку, а в ней – холодильник, пылесос, унитаз хрустальный… Дальше – больше: самолеты, яхты, виллы… и малахитовый гроб. Ну, может, ты закинешься на замок или даже собственный остров. И все! Ты будешь весь обставлен этими вещами, они заполонят твою жизнь, съедят пространство и время, высосут все соки, энергию, задушат, превратят в раба. Ты только и будешь, что беспокоиться, сдувать с них пылинки, охранять, чинить, проходить техосмотр, платить налоги, продавать старые и искать место для новых… Все! Твоя жизнь превратится в обслуживание вещей.

– А может, не моя? Может, я найму персонал, который всем этим будет заниматься?

– Тогда твоя жизнь превратиться в обслуживание персонала и денег! – Вася любил парадоксы.

– Как это – в обслуживание персонала? То есть это я их буду обслуживать, а не они меня?

– Очень может быть. Набрать в наше время честный и порядочный персонал – большая проблема, – Вася говорил так серьезно, как будто имел в этом вопросе большой опыт. – Персонал – это ведь тоже люди, и, кстати, ты это понимаешь как никто другой. Им нужно твое внимание, оценка их работы, твой надзор, поощрение или наказание… В общем, ты просто закопаешься в этих отношениях!

– А что же ты предлагаешь?

– Не западать на материальный достаток! Творить! Познавать мир! Изучать себя! Вот это, я понимаю, мечта.

– Чтобы познавать мир, тоже деньги нужны. И чтобы творить! – не сдавался Роман.

– С этим не поспоришь, – вздыхал Вася. – Но только когда монеты не цель, а средство. И вообще, если уж так к деньгам тянет, лучше бы в тик-токеры подался!

– Не мое, – вздыхал Рома. – Пробовал я с Тик Током, не получается. Ладно, умник! Проехали. Пусть у меня и «дефект цели», однако прокормить я себя сумею.

Обычно такие беседы заканчивались дружеской потасовкой и обсуждением вопроса, где бы еще подзаработать.

Лето было для этого самым удачным временем. Но каждый раз в конце мая Роману приходилось выдерживать настоящую битву с родителями. Он надеялся, что хотя бы на этот раз они поймут, что он уже вырос. Но нет, когда сын объявил, что летом собирается работать, родители прямо-таки восстали.

– И думать не смей! – оторвалась от телевизора мама, Ирина Степановна. – Ты еще маленький! Несовершеннолетний!

– Ма, мне уже пятнадцать! И у меня есть паспорт.

– Да зачем тебе это, скажи! Куда ты денешь столько денег?

– Для ноута апгрейд нужен, это раз, велосипед новый, это два, а потом… потом, может, и на машину накоплю!

– Сын, ты не прав, – подал голос отец, Игорь Борисович. – У нас и на даче дел много. Ты забыл? Мы же собирались достроить веранду!

– Вот именно! – поддержала Ирина Степановна. – Чем унижаться перед этими, лучше отцу помоги!

Роман не мог не усмехнуться. Веранда – этакий семейный долгострой – олицетворяла собой весь ход их жизни. Строительство начали пять лет назад, но до конца так и не довели. Каждый год отец бодро принимался за дело, но потом пыл его иссякал, и веранда по сей день оставалась недостроенной. Доски темнели и ветшали, гвозди ржавели… Роман предлагал нанять помощников – в окрестных деревнях можно было найти желающих даже за те крохи, что могла заплатить их семья. Однако отец категорически отказывался: «Мы не баре, чтобы нанимать слуг. Мы можем обслужить себя сами». Но вся их жизнь свидетельствовала об обратном – обслуживать самих себя получалось плохо.

– Хорошо, я поеду на дачу и помогу отцу, – Роман не хотел спорить с родителями и решил пойти на компромисс. – Но только при условии, что зарабатывать вы мне тоже разрешите.

Родители согласились, и Роман, побродив среди строящихся домов коттеджного поселка, что был невдалеке от их дачного кооператива, довольно быстро нашел работу. Оказалось, что рабочие руки нужны буквально всем, так что Роман даже мог выбирать. Больше всего ему понравились те условия, которые предложили в коттедже у Шестовых.

– Пятьсот рублей в час. Питание за общим столом. Спецодежда и инструменты за счет фирмы. За порчу имущества – штраф, за опоздание и некачественную работу – вычет из зарплаты. График – скользящий, по договоренности. Устраивает?

– Устраивает, – кивнул Роман. Больше всего ему понравился «скользящий» график – это значит, он сможет свободно распоряжаться своим временем и достроит наконец отцовскую веранду.

На том и порешили. В обязанности Романа входил уход за садом и машиной, мелкий ремонт сантехники и по дому, при необходимости помощь на кухне и в огороде – в общем, весь перечень работ, на которые был способен рукастый пятнадцатилетний мальчишка.

День приезда Юли был первым рабочим днем Романа.

Глава 4

Потекли ленивые, сонные, жаркие дни конца июня – лето катилось к «маковке», дождей не было, солнце стояло в зените, прибавляя работы Роману и усиливая скуку Юли.

В поселке, где громадные недостроенные коттеджи были отделены друг от друга высокими каменными заборами, она не знала никого – в большинстве домов вообще пока никто не жил. Лишь несколько более или менее пригодных для обитания зданий оккупировали бабушки или няни с младенцами – заливистый плач малышей нагонял на Юлю еще большую тоску, напоминая о веселом шуме города и оставленных там друзьях.

Купаться было негде, ни пруда, ни речки в обозримых окрестностях не наблюдалось. Возможно, где-то рядом и было что-то подходящее, но здешних мест Юля не знала, да и знать не хотела. «Надо же было выбрать для дачи такое гиблое место! Ни пляжа, ни речки… ни людей нормальных!» – ворчала Юля, целыми днями просиживая в занятом ею «пентхаусе» (так она называла самый верхний этаж), ковыряясь в айфоне или в Интернете или же просто валяясь на диване и под грохот радиостанции «Девятый вал» листая старые журналы.

Рисовать не то чтобы не хотелось – было просто невозможно. Выходить в такую жару на пленэр – настоящее самоубийство, даже под зонтиком можно выдержать не более получаса – а что такое полчаса для художника! Один, от силы два беглых наброска… Но главное было не в этом. Неприязнь Юли к коттеджу, который она теперь считала своей тюрьмой, распространилась и на окружающую природу – девочка словно не видела, как хорошо вокруг, сколько замечательных видов открывается из окон большого, стоящего у самого леса дома. В пылу своего раздражения она воспринимала только плохое – а его вокруг тоже было немало – оставленные строителями бетонные плиты с торчащей арматурой, кучи песка и цемента… а также громкие крики рабочих, осваивающих другие объекты.

Был и еще один неприятный момент. В гараже, блистая никелированными деталями, стояли новенькие велосипеды. Отец купил их весной для загородных велосипедных прогулок. Этим он исполнил самую заветную мечту своего безвелосипедного детства, но в то же время глубоко задел и ранил чувства Юли. Дело в том, что девочка не умела ездить на велосипеде. Никто из окружающих не знал об этом – она стеснялась признаться. Так уж вышло – в детстве не научилась, а когда выросла, учиться стало стыдно. Вот и стояли теперь эти велосипеды без дела, да еще парень, как нарочно, по очереди вывозил их, чистил и смазывал, приводя этим Юлю в полное бешенство.

Делать ей было абсолютно нечего, даже до грядок ее не допустили – их успешно обрабатывали бабушка с Романом. Из окна Юля видела их спины и выбирающие сорняки руки. «Быстро же они нашли общий язык! – немного ревниво думала девочка, наблюдая за спорой работой. – Да только им и язык-то не нужен – они же все время молчат».

Она как будто не замечала наушников в ушах парня – не очень-то поболтаешь, слушая музыку! И вместо того чтобы радоваться, что ее освободили от возни в огороде, девочка злилась, что с грядками управляются без нее. Она оказалась предоставленной самой себе, никому не нужной – даже собственной бабушке! Вон как она гоняет его: «Ромочка, не посмотришь трубу, что-то здесь течет!»; «Ромочка, не сбегаешь ли в магазин, у нас сливки кончились!»

«Ромочка, Ромочка! – каждый раз фыркала Юля, чувствуя себя задетой. – Надо же, как он умеет втереться в доверие, этот карьерист и подлиза!»

Рисовать нельзя, купаться негде… Даже в огород не пускают! Что же оставалось?

Строить планы «черной мести» родителям, запихнувшим ее сюда и запершим в неприступном тереме. Слушать «Девятый вал», надеясь, что от включенной на полную мощность музыки хоть кому-то в этом доме станет так же тошно, как и ей самой. Бесконечно болтать по

мобильнику с оставшимися в Москве друзьями, сидеть в чатах, бродить по Инету – назло отцу, который перед отъездом просил, чтобы она отдохнула от гаджетов.

Между тем Рома выматывался так, что к вечеру, возвращаясь к себе на дачу, едва волочил ноги. Он не представлял, что работа окажется такой тяжелой и от бесконечных «разовых поручений» можно так уставать. Порой ему казалось, что старушка нарочно выдумывает, чем бы его занять. Потом он отгонял от себя эти мысли – он понимал, что бабушке, оставленной на даче, нужна не столько помощь, сколько внимание.

К Юле он испытывал двойственные чувства. С одной стороны, ее поведение раздражало, он думал, что на месте ее отца давно бы выпорол ее за все выходки, невнимание к бабушке и бесконечное ничегонеделание. Но с другой стороны, это странное существо вызывало любопытство и притягивало – ему хотелось понять девчонку, узнать ее вкусы и интересы.

Вскоре оказалось, что вкусы эти и интересы, по крайней мере музыкальные, во многом совпадают с его собственными. Выяснилось, что девчонка любит «Девятый вал» – это была и его любимая радиостанция. А когда она начала прослушивать привезенные из Москвы записи, он решил отказаться от старого маминого айпода – у него было записано то же самое. Так что теперь ему вполне хватало той музыки, что мощным потоком лилась из самого верхнего окошка Теремка.

«Теремком» Рома назвал коттедж Шестовых. И действительно, построенный в стиле «а ля рус», дом напоминал декорацию боярских или даже царских хором в каком-нибудь фильме-сказке – мягкие, куполообразные скаты крыши, резные наличники, вагонка, которой были выложены стены изнутри – псевдотеремок, в котором живет псевдоцаревна…

Надо сказать, что, относясь в целом к человечеству вполне терпимо, Рома всех людей делил на две большие группы. Основополагающим принципом такого деления было «может – не может». Может – это значит, человек способен на все: на работу, на множество дел, на успех, на подвиг, на свершения, на саму жизнь, в конце концов. Такой человек успевал везде – и в делах, и в любви, и во всем, за что бы ни брался. Нытиков же и лентяев, а также трусов и слабаков Рома зачислял в категорию «не может».

Придумав в девятом классе эту теорию, Рома был несколько разочарован, прочитав о Раскольникове и обнаружив, что и у того были в чем-то сходные мысли… Правда, юному мыслителю было совершенно непонятно, что его литературный предшественник пытался доказать: с первых же страниц было ясно, что он – «не может!» Так зачем же было на рожон лезть, старушек убивать?

Так вот, Юлю, псевдоцаревну, Рома в первый же день без особых колебаний отослал в ту же группу, куда был помещен и Родион Раскольников, а именно в компанию тех, кто «не может». Кстати, компания на самом деле была совсем неплохая – там же пребывали и Ромины родители, и пара добрых семейных знакомых, и даже несколько звезд Тик Тока и шоу-бизнеса…

Надо ли говорить, что фигура самого Романа открывала список тех, кто «может!»

Вот так и пролетели первые дни пребывания Юли на даче – в одиночестве и скуке, в мучении от жары и раздражении от вида мельтешащего повсюду Романа, под грохот музыки и назойливый писк комарья.

Глава 5

План мести созрел в один миг. Это произошло в пятницу, ровно через неделю после прибытия Юли на дачу.

После обеда, когда жара чуть-чуть спала, девочка едва ли не в первый раз выбралась в сад позагорать. Вытащив шезлонг, она установила его среди кустов – так, чтобы лежать не на самом солнцепеке. Потом Юля долго размазывала по телу солнцезащитный крем – белая, нежная кожа казалась совсем беззащитной, – и наконец, заткнув уши наушниками, с айфоном в руках расположилась в шезлонге.

Вскоре она обнаружила, что здесь, оказывается, несравненно лучше, чем в душном пентхаусе. Было нежарко, ветерок приятно обдувал тело, вокруг витал нежный запах каких-то цветов… Переливчатый свет, пробиваясь сквозь дрожащие листья, рождал такое причудливое переплетение линий, что рука Юли сама потянулась к альбому, где она обычно делала зарисовки. Альбома рядом не оказалось, девочка с досадой вспомнила, что он остался наверху.

Подниматься не хотелось, однако рисовать тянуло и очень – по опыту Юля знала, что теперь не найдет себе места, пока рука не начнет вычерчивать на листе сумасшедшую вязь из линий. Она сейчас вошла в состояние, которое называла помрачением. Это означало, что для обретения душевного покоя ей нужно рисовать, неважно что – просто переносить образы на бумагу. Именно в такие моменты у нее рождались лучшие рисунки, когда она, почти не задумываясь, как будто не сама водила карандашом или кистью, а под влиянием высших сил. Может, это и называется вдохновением? Такие моменты надо было ловить; за день такого состояния она могла нарисовать больше, чем за месяц унылого рутинного труда, когда один вид белого бумажного листа вызывал неприязнь. А такое тоже случалось – требования в художественной школе, где училась Юля, были достаточно высоки, два раза в год нужно было выставлять работы на просмотр, а для этого рисовать приходилось почти всегда и везде – даже тогда, когда этого совсем не хотелось. Однако периоды творческого застоя с лихвой искупались моментами вдохновения, когда открывались какие-то неведомые шлюзы и работа лилась мощным потоком.

Однако никакие высокие чувства не могли заставить Юлю оторваться от шезлонга и отправиться на третий этаж.

Что же делать?

Девочка огляделась. Взгляд наткнулся на загоревшую спину Ромы, решение созрело мгновенно.

– Эй, ты! Как тебя там! – вот так Юля первый раз обратилась к их наемному работнику.

– Что? Вы меня?

Девочка кивнула.

Роман поставил на землю ведро, вытер руки о штаны и подошел к шезлонгу. Неужели «принцесса» решила, наконец, познакомиться с ним?

– Меня зовут Роман, – представился он, откинув со лба прядь выгоревших волос.

– Да? А я думала – Петя… Слушай-ка, у меня для тебя поручение. Сбегай наверх – знаешь, где я живу? И принеси синий блокнот и карандаш. Все это в правом кармане рюкзака. И ластик захвати! Ну? Что стоишь?

Роман не двигался с места. Его как будто окатили холодной водой. Тон девочки показался бесцеремонным, хамским. Это оскорбило его, обидело до глубины души. Оказывается, права была мама, предупреждая, что с ним могут плохо обращаться! И, оказывается, он не так уж и безразличен к этому…

– Ты что, оглох? Я же, кажется, ясно сказала! – Голос девочки, резкий, насмешливый, унизительные слова – все это причиняло настоящую боль.

«Нет, я не должен срываться. Вдох-выдох, вдох-выдох… Раз, два, три, четыре, пять…» Парень, стараясь унять взбунтовавшиеся чувства, молча сжимал и разжимал кулаки. На какой-то момент ему захотелось бросить все и уйти, сейчас же, немедленно.

– Рома! Ромочка! Ты несешь компост?

Спасительный голос бабушки прозвучал как никогда вовремя. Роман отскочил от шезлонга, подхватил ведро и опрометью бросился в огород.

– Ромочка, – фыркнула ему вслед Юля, – мальчик-одуванчик! Смотри, не споткнись!

И где же папенька умудрился найти такого бестолкового помощничка? Единственный раз попросила его о чем-то, и то не справился. Придется идти самой.

Девочка спустила ноги с шезлонга, мягкая трава приятно остудила и защекотала босые ступни. Лениво разогнувшись, Юля повернулась к дому… и тут ее осенило.

Перед ней была гладкая, белая стена. Глухая – кроме Юлиного «иллюминатора» под самой крышей в сад не выходило ни одного окна. Строители применили какую-то новую малярную технику, и в солнечном свете свежеоштукатуренная поверхность ослепительно белела, а в тени становилась нежно-лиловой. Отец очень гордился этой стеной, которую было видно практически из любой точки поселка и даже дальше – от самой железнодорожной станции. И действительно, белое пятно гармонировало с окружающим пейзажем, располагаясь в нем естественно и удобно.

– У Малевича был черный квадрат, – говорил отец, – а у меня будет белая стена.

Вот на эту-то белую стену и нацелилась Юля.

То, что она задумала, было гениально. Можно было достичь несколько целей сразу: и утолить ненасытную жажду рисования, и исполнить заветную мечту, и как следует насолить родителям.

Она нарисует на этой стене граффити!

Вот уж это будет для родителей удар так удар! В виде наказания за порчу имущества они немедленно отошлют ее в Москву.

А ей только этого и надо!

Позабыв о блокноте, Юля снова плюхнулась на шезлонг, не сводя глаз со стены. Она была словно в лихорадке. Глаза возбужденно горели, губы что-то шептали. Творческий процесс начался. Мысленно она уже размещала на стене свой будущий шедевр. Тот сюжет, что сложился уже давно, она готовила для города, здесь же требовались нечто другое. Удивительно, но слово-картинка вдруг возникла в ее голове сама собой, и это было так хорошо, что Юля закрыла глаза и замычала.

Глава 6

Задуманное требовало основательной подготовки. Шевелиться надо было быстро, пока не пропало волшебное настроение. К тому же сегодня пятница, завтра у родителей выходной – значит, все должно быть готово к их приезду. О да, они увидят это, и будет скандал, и ее отправят домой, и тогда конец ссылке!

Но где купить материалы и как доставить их сюда? Как усыпить бдительность бабушки и как забраться на эту высокую стену?

С деньгами было все в порядке: с собой у нее была довольно большая сумма, половина на карточке, половина наличными – подарок от отца к окончанию учебного года. Правда, строгий папа заявил, что это на все лето и больше она не получит ни гроша, так что если ей вздумается истратить все в один день, пусть пеняет на себя. И Юля знала – он свое слово сдержит.

Но девочку это нисколько не смутило – к деньгам она вообще относилась просто: есть они – хорошо, нет – никакой трагедии. Она могла наодалживать друзьям и забыть, а потом месяцами ходить без гроша. А если становилось совсем туго, она могла, прикола ради, поехать на Арбат, бросить перед собой кепку и распевать песни. Или же разложить свои картины и торговать ими – несколько штук она таким образом вполне удачно продала. Вот и теперь девочка не собиралась экономить – если понадобится, за аэрозоли можно отдать и всю наличность.

Искусство требует жертв!

Но как быть с остальными проблемами? Прикидывая так и эдак, Юля со вздохом констатировала – без посторонней помощи не обойтись. А посторонняя помощь могла быть только одна – бестолковый Роман. Придя к этому неизбежному выводу, Юля ужасно обозлилась. Ну вот. Опять он. Везде он! Ну, почему, почему она все время на него натыкается? Даже в мыслях. Ну, ничего, придет время, она и с ним рассчитается!

Однако нужно было действовать. Несколько минут Юля прикидывала, как ей быть, если Роман опять откажется выполнять ее поручение. А потом поняла, что знает, как обращаться с этим парнем. У него ведь была одна слабость…

Романа Юля нашла на огороде. Он был один – бабушка ушла на кухню готовить обед.

– Э… послушай… Я бы хотела предложить тебе работу, – начала Юля.

– Вообще-то меня зовут Роман, – хмуро ответил парень, не глядя на девочку. Сидя на корточках, он старательно воевал с сорняками.

– Ладно, извини, – отмахнулась Юля. – Короче, сделаешь для меня кое-что?

– Сейчас не могу. У меня еще две грядки не полоты.

– А если за отдельную плату? – Юля пошуршала спрятанными в карман шортов бумажками. – Тысяча, если сгоняешь на станцию.

Роман замер. Несколько минут он боролся с искушением, а потом покачал головой. Руки его снова засновали по грядке.

– Нет. Не могу. Я обещал Алевтине Николавне сделать все до обеда.

«Ишь, ты! А он, оказывается, хитрюга! Цену набивает! – с удивлением подумала Юля. Парень чуточку вырос в ее глазах. – Ну, что ж. Посмотрим, кто кого!»

– Две! – назвала она следующую цену.

Рома замер. Да, те деньги, которые она предлагала за свое пустяковое, по всей видимости, поручение, были приличной суммой. Четыре часа работы! Его полный рабочий день! А сгонять на велосипеде до станции – полчаса туда и обратно… Однако неприязнь к девчонке была слишком велика – его коробили развязные манеры и полное неуважение к нему. Даже не удосужилась запомнить, как его зовут! Не нужны ему ее деньги. Обойдемся!

Роман снова отказался.

И, как ни странно, еще немного вырос в глазах девочки. Оказывается, этот парень не такой тупой!

– Три.

На это и дальнейшие предложения Роман не реагировал. Приняв окончательное решение, он словно оглох. Юля, нервничая все больше, поднимала цену, а парень медленно полз рядом с грядкой, как бесстрастный, хорошо отлаженный механизм.

Юля начала волноваться. А если он и вправду откажется? И у нее не хватит денег, чтобы его купить? Она начала прикидывать, не сходить ли на станцию самой. Но аэрозолей нужно слишком много, в руках не унести, а на велосипеде она не умеет. К тому же придется искать в незнакомой местности нужный магазин, а это займет слишком много времени, настроение может пропасть.

Что же делать? Как заставить парня? Выхода не было и, решившись, Юля назвала последнюю цифру:

– Десять.

Короткое слово произвело свой эффект: Роман замер, ладони его, резко сжавшись, оборвали несколько ростков петрушки. Десять! Целых десять тысяч! За полчаса, максимум за час! Для Романа это было очень прилично. Неделя выматывающего труда! Искушение было слишком велико. И все же…

– Знаешь, у меня есть свои принципы, – сказал он, поднимаясь. – Я не буду иметь с тобой дела. Ни за какие деньги.

– Как это? – оторопела Юля.

– А вот так! – отрезал Роман.

– Но я не понимаю… Что тебе не нравится… Ты же на меня работаешь! – запротестовала Юля. Отказ парня и его слова неожиданно сильно уязвили.

– Не на тебя, а на твоего отца, – уточнил Роман. – Позвони ему, пусть даст задание, я выполню.

– Но я не могу… – Юля была в полном отчаянии. Ее замечательный план рушился на глазах! – Мне очень-очень надо! Пожалуйста, помоги мне… Рома! – в ее дрожащем голосе звучала мольба.

Парень задумчиво разглядывал грядки. Он как будто чего-то ждал, и Юля вдруг поняла, и, мучительно покраснев, произнесла:

– Извини меня, ладно? Я была не права. Я вела себя просто кошмарно! Меня зовут Юля.

– А меня – Роман! – парень выпрямился и широко улыбнулся. – Хорошо, я согласен. За сколько мы там договорились? За десять? Говори, что надо!

Несколько секунд Юля растерянно вглядывалась в прозрачные, совершенно серые глаза, а потом развернулась и побежала наверх за деньгами.

Роман удивленно смотрел ей вслед. А он и не знал, что глаза могут быть такими зелеными! И таинственными, как омуты…

Глава 7

Список, который продиктовала Роману Юля, оказался длинным и странным – набор автомобильных красок и наконечников для пульверизаторов, респиратор, резиновые перчатки.

– Бабушке докладывать необязательно. Приезжай как можно быстрее, – сказала Юля, протягивая парню деньги. Когда она рассчитала, сколько понадобится краски, то пришла в ужас. Но было поздно – желание реализовать свою сумасшедшую идею охватило ее настолько сильно, что сопротивляться она не могла.

Роман вскочил на велосипед и исчез, а Юля, расположившись в шезлонге, начала прикидывать, как поступить с бабушкой.

Бабушка была серьезной помехой плану, она могла вообще все сорвать. Как сделать так, чтобы она ничего не заметила?

На этот раз решение было подсказано самой природой.

– А теперь о погоде, – раздался в ушах девочки бодрый голос ведущего радиостанции. – К сожалению, сегодня нам нечем порадовать метеочувствительных людей. А таких, наверное, большинство! По Москве и области объявлено штормовое предупреждение. Синоптики обещают грозы, ливни и сильные магнитные бури, так что советуем всем запастись лекарствами, не выходить без надобности из дома и не переутомляться.

«Грозы! Магнитные бури! Это то, что надо!»

Девочка нашла старушку на огороде, где та, как всегда неутомимо, орудовала тяпкой.

– Бабуля, у тебя нет парацетамола? – спросила Юля слабым голосом.

– А что случилось? – бабушка опустила тяпку и озабоченно посмотрела на внучку.

– Голова разболелась…

– Да что ты! Наверное, на солнце перегрелась. Пойдем-ка в дом, я тебе найду таблетку.

Следуя за бабушкой, Юля картинно вздыхала, охала и жаловалась на погоду, испортившую такой прекрасный день.

– Сказали, чтобы метеочувствительные не выходили из дома, не переутомлялись и обязательно приняли лекарство. Такой сильной бури не было много лет!

Бабушка, обладавшая несокрушимым здоровьем (самой серьезной ее болезнью был «огородный» радикулит) имела две маленькие слабости: она свято верила всему, что говорили по радио, и была на редкость мнительна.

На этом и решила сыграть хитрая внучка. Услышав о штормовом предупреждении и магнитной буре, бабушка вдруг неожиданно почувствовала, что ей, пожалуй, тоже не мешало бы отдохнуть.

– Что-то у меня мушки перед глазами мелькают… И голова кружится… Так что, ты говоришь, сказали делать? Лечь в постель? Выпить снотворное? Нет, это я не могу. У меня еще не вся трава выполота. Да эта сныть только и ждет, когда я в постель залягу! Был бы Рома, тогда другое дело, а так – нет, не могу.

– Бабушка, да прополю я твои грядки, не волнуйся! А с грозой и магнитными бурями лучше не шутить.

– Это-то понятно… Ну, ладно, если прополешь, тогда я, пожалуй, и в самом деле прилягу. Что-то мне совсем нехорошо…

Затаив дыхание, Юля смотрела, как бабушка наливает в стакан воду и принимает лекарство. Вот это да! О лучшем нельзя было и мечтать!

Отправив бабушку в комнату, Юля немножко почитала ей, а потом задернула легкие шторы. В душе шевельнулось нечто вроде укора совести – то ли оттого, что она так мало в эти дни уделяла бабушке внимания, то ли потому, что пришлось вот так разыграть ее… Ну,

ничего. Бабушка всегда все понимала и прощала. Она бы не стала сердиться, если бы узнала о розыгрыше!

Дождавшись, когда старушка уснет, Юля выскользнула из комнаты и спустилась вниз.

И вовремя – Роман снимал с багажника нагруженный доверху рюкзак.

– Вот твой гонорар! – бодро объявила Юля, протягивая парню деньги.

Рома сложил купюры пополам и бережно положил в карман.

– Я могу идти? – спросил он. Обычно к этому времени он уже успевал выполнить всю работу и отправлялся домой.

– Нет. Приставь, пожалуйста, вон к той стене самую большую лестницу, которая у нас есть. И еще – выполи, пожалуйста, сныть на грядках, – вежливо попросила Юля. Она ни капельки не смущалась, перекладывая на чужие плечи то, что обещала бабушке. Надо было торопиться – до темноты оставалось не более пяти часов.

– Сныть так сныть! – кивнул Роман, направляясь к сараю, где стояла лестница. Настроение у него было отменное. Может быть, потому, что только что заработанная кругленькая сумма приятно грела через карман. Или оттого, что эта избалованная грубиянка оказалась нормальной девчонкой? А борьба с сорняками совершенно его не пугала. В конце концов, ведь это его работа!

Вот только интересно, зачем ей лестница и баллончики с краской?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.